

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.148-156

С. В. Корнакова*

Нормы о доказательствах и доказывании в уголовном процессе стран СНГ: сравнительно-правовой анализ

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу некоторых норм уголовно-процессуальных законов стран СНГ, касающихся доказательств и доказывания в уголовном процессе. Анализируются законодательные определения понятия «доказательства» в кодексах стран СНГ. Отмечается меньшая конкретность формулировок, использованных в ст. 74 УПК РФ, по сравнению с содержанием соответствующих норм в законодательстве иных стран СНГ. В частности, критически оценивается произведенная российским законодателем замена словосочетания «эти данные устанавливаются», которое использовалось в УПК РСФСР, на словосочетание «доказательствами являются» в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, приведшая к неправомерному отождествлению источников доказательств и самих доказательств.

Выявлены некоторые особенности, преимущества и недостатки норм уголовно-процессуальных законов стран СНГ, содержащих перечень источников доказательств. Сделан вывод о явном преимуществе в этом отношении УПК РФ, часть 2 ст. 74 которого содержит полный и универсальный перечень источников доказательств. Вместе с тем аргументируется необходимость включения в данный перечень, наряду с показаниями подозреваемого и обвиняемого, такого источника доказательств, как показания подсудимого. Проанализировано законодательное закрепление понятия «доказывание» в уголовно-процессуальных кодексах стран СНГ, что позволило сугубо критически оценить определение, данное этому понятию российским законодателем. По мнению автора, отсутствие в ст. 85 УПК РФ указания на целевое назначение процесса доказывания, а именно на такую цель установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, как законное, обоснованное и справедливое разрешение дела, является существенным пробелом российского уголовно-процессуального закона, нуждающимся в восполнении.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; законодательство стран СНГ; доказательственное право; доказательства; источники доказательств; доказывание; уголовный процесс; компаративистика.

Для цитирования: Корнакова С. В. Нормы о доказательствах и доказывании в уголовном процессе стран СНГ: сравнительно-правовой анализ // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 11. — С. 148–156. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.148-156.

Evidence and Establishment of Evidence Norms in CIS Countries Criminal Procedures: A Comparative Legal Analysis

Svetlana V. Kornakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security, Institute of State and Law, Baikal State University
ul. Lenina, d. 11, Irkutsk, Russia, 664003
svetlana-kornakova@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to a comparative legal analysis of some norms of the criminal procedure laws of the CIS countries concerning evidence and establishment of evidence in criminal procedures. The paper analyzes the legal definitions of the concept of "evidence" in the CIS countries codes. It is noted that the wording used

© Корнакова С. В., 2020

* Корнакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института государства и права Байкальского государственного университета
ул. Ленина, д. 11, г. Иркутск, Россия, 664003
svetlana-kornakova@yandex.ru

in article 74 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation is less specific than the content of the relevant norms in the legislation of other CIS countries. In particular, the replacement of the phrase "this data is established", which was used in the RSFSR Criminal Procedure Code, with the phrase "evidence is" in part 2 of article 74 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, which led to an illegal identification of the sources of evidence and the evidence itself, is critically evaluated.

Some features, advantages and disadvantages of the norms of criminal procedure laws of the CIS countries containing a list of sources of evidence are revealed. The conclusion is made about a clear advantage in this respect of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, part 2 of article 74 of which contains a complete and universal list of sources of evidence. At the same time, the need to include in this list, along with the testimony of the suspect and the accused, such a source of evidence as the testimony of the defendant is argued.

The paper analyzes the legislative consolidation of the concept of "evidence" in the criminal procedure codes of the CIS countries, which allowed us to critically evaluate the definition given to this concept by the Russian legislator. According to the author, the absence of the purpose for the establishment of evidence in article 85 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, namely the purpose for establishing the circumstances listed in article 73 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, as a lawful, reasoned and just resolution of the case, is a significant shortcoming of the Russian criminal-procedural law that requires special legal address.

Keywords: criminal proceedings; CIS countries legislation; evidentiary law; evidence; sources of evidence; establishment of evidence; criminal procedure; comparative studies.

Cite as: Kornakova SV. Normy o dokazatelstvakh i dokazyvanii v ugovnom protsesse stran SNG: sravnitelno-pravovoy analiz [Evidence and Establishment of Evidence Norms in CIS Countries Criminal Procedures: A Comparative Legal Analysis]. *Lex russica*. 2020;73(11):148-156. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.148-156. (In Russ., abstract in Eng.).

В юридической литературе справедливо указывается на непреходящую актуальность вопросов, связанных с проблемами доказательственной деятельности в уголовном судопроизводстве. В частности, по мнению А. А. Старченко, доказательственное право выступает в качестве показателя социальной ценности, степени развития и назначения правосудия в любом гражданском обществе¹. По мнению же И. А. Зинченко, одним из наиболее значимых показателей не только правосудия, но и в целом развитости правовой культуры общества служит именно уголовно-процессуальное законодательство². Процесс доказывания и работа с доказательствами, по сути, являются основным содержанием деятельности в ходе производства по уголовному делу. Поэтому представляет несомненный научный и, безусловно, практический интерес обращение к сравнительно-правовому анализу регламентации доказательственной деятельности нормами уголовно-процессуального законодательства стран СНГ.

Прежде всего, заслуживает внимания анализ определения самого понятия «доказательства», которое, по справедливому мнению

ученых, является «краеугольным» понятием всего доказательственного права³. В частности, с принятием в 2001 г. нового российского уголовно-процессуального закона понятие, определяющее термин «доказательства», подверглось корректировке: словосочетание «любые фактические данные» (ст. 69 УПК РСФСР) было заменено словосочетанием «любые сведения» (ст. 74 УПК РФ). На наш взгляд, такую корректировку не стоит относить к принципиальным, поскольку, во-первых, указанные понятия относятся к одному синонимическому ряду и, во-вторых, представляется очевидным, что не ставшие удостоверенными надлежащим образом фактами сведения не могут служить доказательствами. С этой позиции следует отметить большую конкретность понятия «сведения о фактах», через которое раскрывается содержание понятия «доказательства» в российском гражданском и арбитражном уголовно-процессуальном законодательстве (ч. 1 ст. 55 ГПК РФ и ч. 1 ст. 64 АПК РФ).

В справочной литературе определяющим для понятия «данные» служат такие понятия, как «необходимые для какого-либо вывода, ре-

¹ Старченко А. А. *Философия права и принципы правосудия США*. М. : Высшая школа, 1969. С. 31.

² Зинченко И. А. *Проблемы доказательственного права в УПК РФ // Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко*. М. : Юрайт, 2013. С. 444.

³ Зинченко И. А. *Указ. соч.* С. 426.

шения сведения»⁴, «качества как условия или основания для чего-либо»⁵. Из приведенных определений следует, что понятия «данные» и «сведения» являются понятиями одного рода или понятиями, в определенной части совпадающими по объему, но тем не менее видовым отличием понятия «данные» является их качественный признак, который в процессе уголовно-процессуального доказывания позволяет им служить средством доказывания, основаниями для выводов и принятия решений в ходе производства по уголовному делу. Поэтому употребление понятия «данные» все же в большей степени отражает те качества, свойства информации, которыми с необходимостью должны обладать используемые в процессе доказывания по уголовному делу сведения.

В других странах СНГ в качестве ближайшего рода для понятия «доказательства» использованы и понятие «данные», и понятие «сведения». Так, в ч. 1 ст. 88 УПК Республики Беларусь⁶ (далее — УПК Беларуси), в ч. 1 ст. 104 УПК Республики Армения⁷ (далее — УПК Армении) используется понятие «любые фактические данные». В статье 81 УПК Республики Узбекистан⁸ (далее — УПК Узбекистана) и в ч. 1 ст. 93 УПК Республики Молдова⁹ (далее — УПК Молдо-

вы) — «фактические данные», а в ч. 1 ст. 124 УПК Туркменистана¹⁰ и в ч. 1 ст. 111 УПК Республики Казахстан¹¹ — «законно полученные фактические данные». В части 1 ст. 72 УПК Республики Таджикистан¹² — «фактические сведения», а в ч. 1 ст. 82 УПК Кыргызской Республики¹³ (далее — УПК Киргизии) — «полученные в установленном законом порядке сведения». Таким образом, можно усмотреть, что в УПК РФ в определении понятия «доказательства» использовано наименее конкретное понятие.

Лишь в УПК Азербайджанской Республики¹⁴ (далее — УПК Азербайджана) в соответствующей анализируемой норме (ст. 124.1) использовано не встречающееся в иных кодексах понятие «заслуживающие доверия улики (сведения, документы, вещи)», что представляется не вполне корректным, поскольку служить доказательствами могут не сами документы и вещи, а содержащаяся в них или полученная на основании их исследования информация (сведения, данные).

Исходя из понимания под доказательствами именно сведений (данных), представляется важным подчеркнуть, что алогичной является вторая корректировка, которой при конструировании была подвергнута ст. 74 УПК РФ. Речь

⁴ Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. М. : Флинта : Наука, 2010. Т. 1. С. 207.

⁵ Jary D., Jary J. Dictionary of Sociology. HarperCollins, 1995. P. 153.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 09.01.2019) // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 30.03.2020).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (принят 01.07.1998) (с изм. и доп. по сост. на 09.07.2019) // URL: https://www.legislationline.org/download/action/download/id/4261/file/Armenia_CPC_am2006_ru.pdf (дата обращения: 30.03.2020).

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2013-XII) (с изм. и доп. по сост. на 08.07.2019) // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421101#pos=6;-245 (дата обращения: 30.03.2020).

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV (с изм. и доп. по сост. на 29.11.2018) // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 30.03.2020).

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18.04.2009 (с изм. и доп. по сост. на 30.11.2019) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31344376 (дата обращения: 30.03.2020).

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 11.01.2020) // URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 30.03.2020).

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 03.12.2009 (с изм. и доп. по сост. на 02.01.2019) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 30.03.2020).

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 № 20 (с изм. и доп. по состоянию на 28.02.2020) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326#pos=16;-24 (дата обращения: 30.03.2020).

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14.07.2000 № 907-IQ) (с изм. и доп. по состоянию на 09.07.2019) // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 30.03.2020).

идет о замене словосочетания, с которого начинался абз. 2 ст. 69 УПК РСФСР, а теперь начинается ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Если в первом случае это были слова «эти данные устанавливаются», что являлось правомерным для дальнейшего перечисления источников, из которых может быть получена интересующая следствие и суд информация, то во втором произошла их замена на формулировку «доказательствами являются». Тем самым произошло неправомерное отождествление получаемых при осуществлении доказательственной деятельности сведений и источников этих сведений, которые до внесения указанного изменения в законе четко разграничивались, и такое смешение понятий затруднительно объяснить с позиции канонического права.

Заметим, что формулировки, подобные использованной российским законодателем в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, имеются в уголовно-процессуальных законах лишь трех стран СНГ — Азербайджана, Армении и Таджикистана, но и они являются только подобными, но не такими же, в них прослеживается принципиальная терминологическая разница. Так, в УПК Азербайджана использована формулировка «в виде доказательств в уголовном процессе принимаются» (ст. 124.2), в УПК Армении — «в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве допускаются» (ч. 2 ст. 104), а в УПК Таджикистана — «доказательствами могут считаться» (ч. 2 ст. 72). Представляется очевидным, что глаголы «принимаются», «допускаются» и «могут считаться» имеют несколько иное смысловое значение, нежели глагол «являются». Сопутствующее значение использованных в приведенных нормах языковых единиц, на наш взгляд, заключается в том, что они указывают на возможность получения необходимых для доказывания по уголовному делу сведений исключительно предусмотренными законом средствами. Кстати, это положение буквальным образом нашло отражение в УПК Молдовы: «В качестве доказательств в уголовном судопроизводстве допускаются фактические данные, установленные с помощью следующих средств...» (ч. 2 ст. 93).

производстве допускаются фактические данные, установленные с помощью следующих средств...» (ч. 2 ст. 93).

В свою очередь, в законодательстве Туркменистана и Узбекистана вторые части соответствующих норм, в отличие от норм УПК РФ, являются логическим продолжением первых: «Фактические данные, имеющие значение для правильного разрешения дела, устанавливаются...» (ч. 2 ст. 124 УПК Туркменистана), «Эти данные устанавливаются...» (ч. 2 ст. 81 УПК Узбекистана). В УПК Беларуси (ч. 2 ст. 88) и Киргизии (ч. 2 ст. 82) использована формулировка «Источниками доказательств являются...».

Таким образом, к сожалению, напрашивается вывод, что российский уголовно-процессуальный закон «проигрывает» в терминологической строгости и четкости формулировок анализируемых норм законам большинства стран СНГ.

Вместе с тем следует отметить, что если одни ученые пытаются объяснить и найти рациональное зерно¹⁵ в нынешней законодательной формулировке ч. 2 ст. 74 УПК РФ, то другие не изменили своего восприятия содержания указанной нормы, продолжая считать, что в ней содержится перечень именно источников доказательств или тех процессуальных форм, в которых должны содержаться указанные в ч. 1 ст. 74 УПК РФ сведения¹⁶. В этом отношении показательное изложение соответствующего материала в учебной литературе, призванной, как известно, отражать общепризнанные в науке подходы. В параграфах, посвященных доказательствам в уголовном процессе, подчеркивается, что в содержании ч. 2 ст. 74 УПК РФ, закрепляющей порядок получения сведений и их фиксации в процессуальных документах¹⁷, необходимо вести речь об источниках доказательств, но не о самих доказательствах¹⁸. Такое положение, на наш взгляд, имеет место потому, что это не только правильная, но и устоявшаяся в науке доказательственного права точка зрения.

¹⁵ См.: Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2009. С. 71.

¹⁶ См.: Дунаева М. С. Актуальные проблемы использования электронных носителей в доказывании по уголовным делам // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 4-1. С. 71.

¹⁷ Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд. М.: Норма, 2009. С. 296.

¹⁸ Уголовный процесс: учебник для бакалавров / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 96; Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Кнорус, 2008. С. 193.

Что касается законодательного закрепления самого перечня источников доказательств, то, согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ, таковыми являются:

- показания подозреваемого, обвиняемого;
- показания потерпевшего, свидетеля;
- заключение и показания эксперта;
- заключение и показания специалиста;
- вещественные доказательства;
- протоколы следственных и судебных действий;
- иные документы.

Представляется важным сразу отметить, что нами разделяется точка зрения некоторых авторов об универсальности и достаточности этого перечня, а также об отсутствии необходимости его расширения посредством закрепления в нем новых средств доказывания¹⁹. Подобные попытки, например предложения о включении в рассматриваемый перечень сведений, полученных с помощью научно-технических средств²⁰, представляются искусственными, поскольку процесс получения таких сведений охватывается теми процессуальными формами, которые уже предусмотрены уголовно-процессуальным законом.

Так, УПК Узбекистана содержит положение о том, что являющиеся доказательствами фактические данные могут быть установлены в числе прочего и материалами звукозаписи, видеозаписи и кинофотосъемки. Между тем уголовно-процессуальный закон данной республики не содержит правил приобщения указанных материалов к материалам уголовного дела в качестве самостоятельных доказательств, как это сделано, например, в отношении предметов и документов, приобщаемых в качестве вещественных и письменных доказательств, в гл. 25 УПК Узбекистана, в которой нет упоминания о звукозаписи, видеозаписи или кинофотосъемке. Согласно же ст. 91 УПК Узбекистана, перечисленные материалы являются не доказательствами, а вспомогательными способами закрепления доказательств и, будучи отбражением хода и результатов следственного или судебного действия, должны прилагаться к протоколу и, следовательно, являться его неотъемлемой частью. В связи с этим думается, что отсутствие правил приобщения к уголовному делу рассматриваемых материалов свиде-

тельствует о сомнительности их выделения в качестве самостоятельного источника доказательств.

В части 2 ст. 72 УПК Таджикистана, в свою очередь, приведен дословно совпадающий с ч. 2 ст. 74 УПК РФ перечень источников доказательств, но этот перечень дополнен еще тремя видами:

- скрытые записи;
- прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры;
- электронные, видео- и аудиозаписи наблюдения.

Между тем первый из указанных источников, кроме как в данной норме, ни разу не упоминается в уголовно-процессуальном законе Таджикистана, что указывает на сомнительность не только его наличия в перечне источников доказательств, но и его наделяния таким статусом.

Что касается двух остальных, то первый из них, исходя из содержания ст. 81 УПК Таджикистана, относится к протоколам следственных действий, поскольку этот источник приведен в числе прочих в данной норме: протоколами являются «составленные в предусмотренном настоящим Кодексом порядке протоколы следственных действий», в числе которых приведено и «прослушивание телефонных разговоров, других технических средств связи». Второй же источник относится к иным документам, поскольку также содержится в их перечне (ч. 2 ст. 82 УПК Таджикистана): «к документам могут относиться материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, электронные источники информации...». Таким образом, выделение приведенных источников доказательств в качестве самостоятельных является не продуманным законодателем Таджикистана решением.

В связи с этим следует согласиться с утверждением И. А. Зинченко, подчеркивающим необходимость придания равного статуса тем материалам, которые получены, во-первых, одним и тем же субъектом, во-вторых, с одной и той же целью и, наконец, в рамках одной и той же процессуальной формы. Из этого следует, что любые приложения к протоколам следственных действий, являясь их составной частью, образуют вместе с этими протоколами

¹⁹ Зинченко И. А. Указ. соч. С. 441

²⁰ Цома Я. Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 12.

самостоятельный и, главное, единый источник доказательств²¹.

Анализ соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства стран СНГ показал, что имеющийся в них перечень источников доказательств является практически аналогичным перечню, закрепленному в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а также высветил некоторые явные достоинства содержания указанной нормы российского закона. К последним, в частности, относится придание доказательственного значения не только заключению эксперта, но и показаниям данного участника уголовного судопроизводства. В этом отношении при наличии допроса эксперта в качестве самостоятельного способа получения доказательств, закрепленного в уголовно-процессуальных законах ряда стран СНГ (ст. 272 УПК Азербайджана; ст. 252 УПК Армении; ст. 237 УПК Беларуси; ст. 153 УПК Молдовы; ст. 300 УПК Туркменистана), отсутствие в перечне источников доказательств наряду с заключением эксперта и его показаний является очевидным пробелом законодательства этих стран.

Такой источник доказательств, как показания специалиста, не предусмотрен законодательством Армении, Азербайджана, Беларуси, Узбекистана и Туркменистана, несмотря на наличие в уголовно-процессуальных законах этих стран такой процессуальной фигуры. Анализ соответствующих норм законодательства указанных стран позволил сделать вывод о том, что специалист вовлекается в уголовный процесс исключительно с целью содействия в обнаружении и закреплении доказательств в рамках процессуальных и следственных действий, в протоколах которых и находят отражение сведения, полученные с помощью специалиста.

Лишь в двух странах — России и Таджикистане — уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены такие источники доказательств, как заключения и показания специалиста. При этом выделение вместе с заключением и показаний специалиста можно объяснить расширенным содержанием норм, определяющих статус данного участника уголовного процесса. Так, согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ, специалист привлекается не только для оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании

материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, но и для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Согласно же ч. 1 ст. 57 УПК Таджикистана, не только для оказания содействия дознавателю, следователю, прокурору, суду, судье в выявлении или обнаружении доказательств, но и для их обоснования. Такие дополнения отсутствуют в содержании соответствующих норм ранее перечисленных стран.

Между тем сравнение норм, касающихся участия специалиста в процессе доказывания, показало наличие законодательных упущений в российском законе, в котором процессуальный порядок получения показаний специалиста никаким образом не регламентирован. Такой пробел дал возможность некоторым авторам сделать вывод о чужеродности и полнейшей неопределенности данного источника доказательств, поскольку при отсутствии процессуальной регламентации допроса специалист может быть допрошен лишь в качестве свидетеля²², а показания свидетеля уже предусмотрены в качестве источника доказательств в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

В отличие от УПК РФ, нормами УПК Таджикистана хотя бы предусмотрены обязанности специалиста, одной из которых является обязанность в процессе судебного заседания давать пояснения по поводу выполняемых им действий (ч. 4 ст. 57). В посвященной специалисту норме УПК РФ (ст. 58) закреплены только права данного участника, но отсутствуют его обязанности, что нехарактерно для законодательного регулирования процессуального статуса иных участников уголовного судопроизводства.

Неопределенность обнаруживается и при анализе посвященных специалисту норм УПК Киргизии, в котором в качестве источника доказательств в ч. 2 ст. 82 закреплены не заключения, а показания специалиста. Это можно отчасти объяснить тем, что порядок приобщения к делу выводов (заключения) специалиста предусмотрен статьей 163 УПК Киргизии, закрепляющей требования к протоколу следственного действия. Согласно ч. 9 указанной нормы, «если в ходе производства следственного действия специалистом по результатам проведенного исследования был составлен официальный документ, то он прилагается к протоколу, о чем в нем делается соответствующая запись».

²¹ Зинченко И. А. Указ. соч. С. 439–440.

²² См.: Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. С. 173–174.

Между тем отмечаемая учеными специфика такого отдельного вида доказательств, как показания эксперта, проявляющаяся в его производности от данного ранее заключения эксперта (только по его поводу в рамках его предмета) и, значит, в определенном отсутствии у него самостоятельности²³, может быть отнесена, хотя и с определенной долей условности, к заключениям и показаниям специалиста. С позиции признания справедливости приведенного утверждения затруднительно объяснить придание в УПК Киргизии статуса источника доказательств показаниям специалиста без наделения таковым его заключения по поводу проведенного исследования, поскольку последнее может иметь место без первого, но не наоборот.

Кроме этого, высказываемый на страницах научных изданий упрек российскому законодателю в отношении отсутствия грамотной регламентации полномочий специалиста²⁴ и получаемым благодаря его участию в деле доказательствам, в полной мере можно адресовать и законодателю Киргизии. Так, нормы, в которых даются определения правового статуса специалиста (ч. 1 ст. 60) и показаний специалиста (ст. 87), по сути, аналогичны соответствующим нормам УПК РФ (ст. 58 и ч. 4 ст. 80). Как и УПК РФ, УПК Киргизии, определяя показания специалиста через сведения, сообщенные им на допросе, не содержит регламентации самого допроса, что можно назвать упущением законодателя. Попутно следует возразить ученым, считающим, что российский уголовно-процессуальный закон оставляет открытым вопрос об ответственности специалиста за дачу им заведомо ложных показаний²⁵, поскольку предупреждение специалиста о такой ответственности предусмотрено частью 5 ст. 164 УПК при проведении любого следственного действия с его участием.

Что касается УПК Молдовы, то отсутствие в перечне источников доказательств в ч. 2 ст. 93 заключения специалиста объясняется наличием

в этом перечне (п. 7) даваемого именно этим участником уголовного процесса научно-технического и судебно-медицинского заключения. При этом показательным является закрепление в ч. 3 ст. 141 УПК Молдовы положения о том, что «в случае участия специалиста в производстве... действий по доказыванию выводы научно-технического или судебно-медицинского исследования включаются в протокол соответствующего действия», т.е. такие выводы, будучи отраженными в протоколе следственного действия, уже не будут являться самостоятельным источником доказательств.

Следует также отметить, что уголовно-процессуальным законодательством Молдовы, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, в отличие от УПК РФ, в качестве источника доказательств предусмотрены показания не только подозреваемого и обвиняемого, но и подсудимого. Такое положение представляется правомерным и должно быть учтено российским законодателем, поскольку при наличии в УПК РФ самостоятельной нормы, регламентирующей допрос подсудимого, а также использовании в нем понятия «показания подсудимого» (ст. 240) не вполне последовательным является отсутствие закрепления в п. 1 ч. 2 ст. 74 данного источника доказательств. Это тем более необходимо, что, согласно п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, решающее значение для признания рассматриваемого доказательства недопустимым имеют именно показания подсудимого, а не обвиняемого.

Отдельного внимания заслуживает законодательное закрепление понятия «доказывание» в уголовно-процессуальных кодексах стран СНГ. В этом отношении можно сугубо критически оценить определение, данное этому понятию российским законодателем. Согласно ст. 85 УПК РФ, «доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса». Если задаться от-

²³ См.: Лукошкина С. В., Буфетова М. Ш. Заключение и показания эксперта в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2 (24). С. 43.

²⁴ См.: Орлов Ю. К. Указ. соч. С. 174; Лукошкина С. В., Буфетова М. Ш. К вопросу о правовом статусе специалиста в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4 (26). С. 139; Буфетова М. Ш., Демешко И. В. Заключение специалиста как доказательство стороны защиты: актуальные проблемы теории и практики // Адвокатская практика. 2019. № 3. С. 5; Смолькова И. В. Участники современного российского уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 279.

²⁵ Орлов Ю. К. Указ. соч. С. 173.

нюдь не риторическим вопросом, является ли установление предусмотренных законом обстоятельств дела единственной и конечной целью уголовно-процессуального доказывания, то ответ будет очевидным — нет. Установление обстоятельств дела — не самоцель, а средство для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела. Именно такое содержание уголовно-процессуального доказывания — с указанием на то, для чего (зачем, с какой целью) устанавливаются обстоятельства дела, — отражено в большинстве соответствующих кодексов стран СНГ (за исключением УПК РФ и УПК Молдовы).

На наш взгляд, отсутствие в ст. 85 УПК РФ целевого назначения процесса доказывания является существенным пробелом российского уголовно-процессуального закона, нуждающимся в восполнении.

Следует отметить, что в УПК Таджикистана вообще отсутствует определение самого понятия «доказывание», но тем не менее раскрывается содержание понятий «собираение», «проверка» и «оценка» доказательств (ст. 86, 87 и 88 соответственно), что, на наш взгляд, за-

трудняет восприятие перечисленных элементов уголовно-процессуальной деятельности как единого процесса уголовно-процессуального доказывания.

Таким образом, анализ некоторых норм доказательственного права, отраженных в уголовно-процессуальных законах стран СНГ, позволил выявить достоинства и недостатки УПК РФ. В частности, к явным достоинствам российского уголовно-процессуального закона следует отнести полный и универсальный перечень источников доказательств (хотя и именуемый иначе), приведенный в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Если же внести в указанный перечень показания подозреваемого, его можно будет считать и исчерпывающим. В качестве же существенного недостатка необходимо выделить определение понятия доказывания в ст. 85 УПК РФ, нуждающееся в изменении. На наш взгляд, в указанной норме должно быть отражено положение следующего содержания: «Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения дела».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Буфетова М. Ш., Демешко И. В. Заключение специалиста как доказательство стороны защиты: актуальные проблемы теории и практики // Адвокатская практика. — 2019. — № 3. — С. 3–6.
2. Дунаева М. С. Актуальные проблемы использования электронных носителей в доказывании по уголовным делам // Вопросы российского и международного права. — 2019. — Т. 9. — № 4-1. — С. 369–373.
3. Зинченко И. А. Проблемы доказательственного права в УПК РФ // Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. — М. : Юрайт, 2013. — С. 425–444.
4. Лукошкина С. В., Буфетова М. Ш. Заключение и показания эксперта в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 2 (24). — С. 36–45.
5. Лукошкина С. В., Буфетова М. Ш. К вопросу о правовом статусе специалиста в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 4 (26). — С. 137–144.
6. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. — М. : Юристъ, 2009. — 175 с.
7. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Кнорус, 2008. — 704 с.
8. Смолькова И. В. Участники современного российского уголовного судопроизводства. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 440 с.
9. Старченко А. А. Философия права и принципы правосудия США. — М. : Высшая школа, 1969. — 118 с.
10. Уголовно-процессуальное право РФ : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. — 2-е изд. — М. : Норма, 2009. — 1072 с.
11. Уголовный процесс : учебник для бакалавров / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2014. — 545 с.
12. Цомая С. Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 25 с.

13. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М. : Норма, 2009. — 240 с.
14. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. — М. : Флинта : Наука, 2010. — Т. 1. — 584 с.
15. Jary D., Jary J. Dictionary of Sociology. — HarperCollins, 1995. — 774 p.

Материал поступил в редакцию 18 апреля 2020 г.

REFERENCES

1. Bufetova MSh, Demeshko IV. Zaklyuchenie spetsialista kak dokazatelstvo storony zashchity: aktualnye problemy teorii i praktiki [Expert opinion as proof of the defense: topical issues of theory and practice]. *Advokatskaya praktika [Advocate's Practice]*. 2019;3:3-6. (In Russ.)
2. Dunaeva MS. Aktualnye problemy ispolzovaniya elektronnykh nositeley v dokazyvanii po ugovolnym delam [Topical problems of using electronic media in proving criminal cases]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava [Matters of Russian and International Law]*. 2019;9(4-1):369-373. (In Russ.)
3. Zinchenko IA, Tomin VT, Zinchenko IA, editors. Problemy dokazatelstvennogo prava v UPK RF [Problems of evidentiary law in the Criminal Procedural Code of the Russian Federation]. *Ugolovnyy protsess. Problemnye lektsii [Criminal Procedure. Problem lectures]*. Moscow: Yurayt; 2013. (In Russ.)
4. Lukoshkina SV, Bufetova MSh. Zaklyuchenie i pokazaniya eksperta v rossiyskom ugovolnom sudoproizvodstve [Expert opinion and testimony in Russian criminal proceedings]. *Sibirskie ugovolno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya [Siberian criminal process and criminalistic readings]*. 2019;2(24):36-45. (In Russ.)
5. Lukoshkina SV, Bufetova MSh. K voprosu o pravovom statuse spetsialista v rossiyskom ugovolnom sudoproizvodstve [On the question of the legal status of a specialist in Russian criminal proceedings]. *Sibirskie ugovolno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya [Siberian criminal process and criminalistic readings]*. 2019;4(26):137-144. (In Russ.)
6. Orlov YuK. Problemy teorii dokazatelstv v ugovolnom protsesse [Problems of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow: Yurist; 2009. (In Russ.)
7. Smirnov AV, Kalinovskiy KB. Ugolovnyy protsess: uchebnyy [Criminal trial: A textbook]. Smirnov AV, editor. 4th ed., rev. and suppl. Moscow: KnoRus; 2008. (In Russ.)
8. Smolkova IV. Uchastniki sovremennogo rossiyskogo ugovolnogo sudoproizvodstva [Participants in modern Russian criminal proceedings]. Moscow: YurLitinform; 2017. (In Russ.)
9. Starchenko AA. Filosofiya prava i printsipy pravosudiya SShA [Philosophy of law and principles of justice in the USA]. Moscow: Vysshaya shkola; 1969. (In Russ.)
10. Lupinskaya PA, editor. Ugolovno-protsessualnoe pravo RF: uchebnyy [Criminal procedure law of the Russian Federation: A textbook]. 2nd ed. Moscow: Norma; 2009. (In Russ.)
11. Bastrykin AI, Usachev AA, editors. Ugolovnyy protsess: uchebnyy dlya bakalavrov [The criminal process: A textbook for Bachelor Degree students]. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurayt; 2014. (In Russ.)
12. Tsomaya SD. Pravovoe regulirovanie i dokazatelstvennoe znachenie primeneniya nauchno-tekhnicheskikh sredstv v ugovolnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Legal regulation and evidentiary value of the use of scientific and technical means in criminal proceedings. Cand. Sci. (Law) Thesis. Author's abstract]. Moscow; 2007. (In Russ.)
13. Sheyfer SA. Dokazatelstva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma; 2009. (In Russ.)
14. Shaposhnikov AK, editor. Etimologicheskyy slovar sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. [Etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vol.]. Moscow: Flinta: Nauka; 2010. Vol. 1. (In Russ.)
15. Jary D, Jary J. Dictionary of Sociology. HarperCollins; 1995. (In Eng.)